

колесо машины	Autorad	Rad des Autos
существительное + предлог + существительное		
счет за телефон	Telefonrechnung	Rechnung für Telefon
ключи от машины	Autoschlüssel	Schlüssel für Auto

Еще одним видом ошибок в немецкой речи русскоязычных эмигрантов являются „ложные друзья переводчика”. Очень часто неправильное употребление таких слов ведет к явному непониманию со стороны немецкого населения [1, с. 160–161]:

Таблица 2

Дословный перевод	Правильный немецкий вариант
Ich habe <u>eine Maschine</u> gekauft.	Ich habe <u>ein Auto</u> gekauft.
Sie ist sehr <u>taktisch</u> .	Sie ist sehr <u>taktvoll</u> .
Ich erzähle Ihnen <u>eine Anekdote</u> .	Ich erzähle Ihnen <u>einen Witz</u> .
Ich kaufe in <u>Magazin</u> ein.	Ich kaufe im <u>Laden/Geschäft</u> ein.

Следует подчеркнуть, что у вновь прибывших в Германию активно развивается, в первую очередь, лексика, связанная с жилищными вопросами, затем словарный запас, связанный с профессиональной жизнью, медициной, образованием, юриспруденцией: Wohnung, Miete, Schlafzimmer, Bewerbung, Urlaub, Sozialsicherheit, Versicherung и т. д. [3, с. 26].

В целом необходимо отметить, что, несмотря на многочисленные ошибки в немецком языке переселенцев, большинство из эмигрантов стремится к языковой интеграции в немецком обществе, стараясь как можно лучше выучить язык своего нового местожительства.

Источники и литература

1. Rupprecht S. Baur, Christoph Chlosta, Christian Krekeler, Claus Wenderott. Die Unbekannten Deutschen. Eine Lese- und Arbeitsbuch zu Geschichte, Sprache und Integration russlanddeutscher Aussiedler. Baltmannsweiler: Schneider verlag Hohengehren, 1999. – 186 S.
2. Менг К. Двуязычие в семьях российских немцев. Язык и культура российских немцев. Сборник научных трудов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – Вып. 4. – С. 30 – 45.
3. Перепечкина С.Е. Регионально обусловленные особенности произношения служащих Германии (на примере преподавателей вузов и гимназий). Культура народов Причерноморья. № 55, том 1. – Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2004. – С. 68–71.
4. Протасова Е. Социолингвистический анализ общежития для переселенцев Übergangwohnheim: жаргон русскоязычных эмигрантов в Германии. Язык и культура российских немцев. Сборник научных трудов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – Вып. 3. – с.19–30.
5. Пыж Е.М. Языковая биография российско–немецких переселенцев. Язык и культура российских немцев. Сборник научных трудов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – Вып. 3. – С.74–82.
6. Шустер В. Социолингвистические и лингвистические аспекты развития русского языка в Германии. III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006 г. Казан. гос. ун-т.); труды и материалы: в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2006. – Т. 2. – С. 115 – 117.

Ермоленко А.

РОЛЬ ВЕРБАЛЬНОЙ СУГГЕСТИИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

На всех этапах развития общества ученых интересовала проблема разработки техник и стратегий воздействия на человека. До сих пор главным методом манипуляции считался метод воздействия на сознание человека. При этом декларировалось, что осязаемые эффекты могут быть восприняты нашим сознанием только после осмысления и критического восприятия, пройти через фильтр оперативной памяти, лишь потом отложиться в нашей памяти. Однако последние исследования нейрофизиологов показывают, что оперативная память, которая формирует “здравый смысл человека”, составляет лишь небольшую часть суммарной памяти человека. Главным хранилищем памяти является подсознание, которое содержит от 70 до 90 процентов информации, или всех знаний. Отсюда становится понятным возросший в последние годы интерес ученых к разработке техник и стратегий манипуляции сознанием через воздействие на подсознание.

История показывает, что попытки воздействовать на человеческое подсознание предпринимались на протяжении всей жизни человечества, начиная от шаманства, заклинаний, заговоров, и заканчивая суперсовременными скрытыми психотехнологиями, когда субъект манипуляции не сознает ни цель, ни факт самого воздействия. Однако принцип действия подобного рода методов основан на введение человека в состояние измененного сознания благодаря использованию скрытых методик, которые делают из

человека “зомби”, лишая его собственных суждений, устремлений, минуя этап критического восприятия. Человек “запрограммирован” на выполнение определенного задания, которое выполняет “по команде”, даже не осознавая этого.

Воздействовать на подсознание человека можно с помощью информационных сигналов различной природы и мощности. Создание средств скрытого воздействия на психику человека увязывается прежде всего с сигналами слабой энергетике, не ощущаемой человеком–мишенью. В работах отечественных физиологов экспериментально доказано существование у человека двух уровней восприятия – сенсорного и субсенсорного. В случае последнего происходит выработка условных рефлексов на неосознанные раздражители, которые лежат ниже порога ощущений. К таким воздействиям относятся суггестивные воздействия. Под *суггестией* понимают определенную склонность подчиняться и изменять поведение не на основании разумных, логических доводов и мотивов, а по одному лишь требованию или предложению, произнесенному внушающим лицом.

Поскольку суггестия осуществляется через слово, именно слово является объектом исследования ученых. По определению “Лингвистического энциклопедического словаря”, которое приводит И.Черепанова в книге “Дом колдуньи” [6, с. 10], функции языка являются проявлением его сущности, назначения и действия в обществе, его природы, т.е., они являются его характеристиками, без которых язык не может быть самим собой. Базовыми функциями являются *коммуникативная* функция – быть средством общения, и *когнитивная* (познавательная) – “непосредственной действительности мысли” [6, с. 11]. К сожалению, филологи уделяют недостаточно внимания изучению такой функции языка как *манипулятивная, или волюнтаривная*. Она считается производной коммуникативной функции. Это связано, по мнению И.Черепановой, с попыткой выделить механизмы развития внутри самого языка, рассматривая его как саморазвивающуюся систему. И действительно, в языке действуют две основные тенденции: стремление к экономии языковых средств для выражения мысли, и, следовательно, стремление к наибольшей выразительности. Взаимодействие данных тенденций способствует развитию языка на различных уровнях. Однако, говоря о развитии языка, следует помнить и о ныне существующих племенах аборигенов, у которых волюнтаривная функция языка проявляется через звуки или отдельные слоги, произнесенные определенным тоном и с определенной интонацией.

С.Г.Кара-Мурза в книге “Манипуляция сознанием” цитирует Маркса: “Мы рабы слов” и декларирует, что человек испытывает потребность во внушении. Утверждение о том, что слово лечит и калечит, сегодня уже не воспринимается всерьез и давно стало банальным. Однако в минуты горя или растерянности мы ищем совета “со стороны”, ждем утешения от других людей, осознавая при этом, что слова наши проблемы не решат. Аналогично, в минуты радости, успеха нам необходимо чье-либо одобрение, есть потребность поделиться радостью. И очень часто слова утешения или подбадривания оказывают исцеляющее воздействие, подсказывают выход из затруднительного положения или вдохновляют. Именно слова, а не их смысл [3, с. 137]

Внушаемость посредством слова как свойство человеческой психики возникла намного раньше, чем способность к аналитическому мышлению. Об этом свидетельствует выше упомянутое существование во всех культурах мира различных заговоров, молитв, мантр, формул гипноза и аутотренинга. Самые удачные из них фиксируются и передаются из поколения в поколение, из культуры в культуру. В древности человек, искусно владеющий языком, считался чародеем, на Руси во все времена вместо того, чтобы обращаться к врачам, люди обращались к знахарям, умеющим “заговаривать боль”. На почве эзотерических лингвистических знаний жрецов родились древнейшие философии языка: ведийское учение о слове, учение о логосе древнейших греческих мыслителей, библейская философия слова. Вышеперечисленные и многие другие учения являются первыми примерами вербальной суггестии.

За многовековую историю вербальная суггестия значительно расширила сферу своего применения. Сегодня суггесторы решают широкий круг задач – от индивидуальной и групповой психотерапии (модные в наше время различного рода аффирмации, которые можно назвать проявлениями аутосуггестии, называемой в психотерапии аутотренингом) до решения задач по управлению государством. Ж.Вандриес в работе “Язык” писал о том, что “человек говорит не только для того, чтобы выразить мысль. Человек также говорит, чтоб подействовать на других и выразить свои мысли и чувства. Волевой язык еще почти не изучался. Однако же он имеет свое значение, которое становится особенно ясным после изучения истории развития языка” [2, с. 147].

Теоретической основой суггестивной лингвистики является решение вопроса о ведущей функции языка в пользу волюнтаривной или суггестивной функции– функции осуществления влияния и воздействия. Принципиальная позиция суггестивной лингвистики заключается в том, чтобы рассматривать язык как единственное, а не как одно из наиболее эффективных и приемлемых средств манипуляции и регуляции человеческого поведения.

Для осуществления манипуляции посредством суггестии суггестор должен владеть контекстом, поскольку наиболее эффективно суггестия реализуется в контексте, когда “кодовое слово”, или “пароль”, замаскировано, спрятано в тексте, при этом наиболее ярко выполняя волюнтаривную функцию. Психоаналитик Джеймс Вайкери изучал подсознательный фактор в семантике, воздействие слова на подсознание. Известно, что сильным влиянием обладает слово *жизнь* и производные от него, в том числе приставка *био-*. Она ассоциируется с наукой, а значит, имеет дополнительную силу. Поэтому и используется в рекламе очень часто. Отработанные на массовом объекте в области рекламы и торговли методы и техники сегодня широко используются в идеологической, политической и судебной сфере.

В суггестивном речевом акте важную роль играют не только собственно слова, но и акусфера [3, с. 140], мир звуковых форм культуры. В манипуляция звуки, воздействующие на восприятие и поведение человека, всегда занимали важное место. Слово с его силой манипулировать возникло из нечленораздельных звуков, издаваемых вожаками первобытных племен, и, как ни странно, имеющих воздействие. Именно звуки, а не слова, были первым инструментом речевого воздействия. Позже, когда сформировался язык, важным инструментом манипуляции стал голос, или точнее, восприятие слова в большой степени зависит от того, каким голосом оно произнесено. Даже тем, кто никогда не служил в армии, известно, что такое “командирский голос”; аналогично, учителя можно распознать по голосу и т.д. Хайдеггер, автор фразы “Язык есть цветение уст”, говорил также о том, что для раскрытия бытия “во всей своей потаенной явленности”, необходимо мотивировать слушающего отдать себя власти его слышимого образа. А для достижения данного эффекта просто слов мало, необходимо произношение, интонация.

С.Г.Кара-Мурза в книге “Манипуляция сознанием” приводит следующий пример. В области радиовещания велись исследования того, как влияет на подсознание слушателей пол диктора, тональность и тембр голоса, темп речи. Эти параметры стали подбираться в зависимости от того, в каком направлении необходимо произвести манипуляцию при том или ином сообщении. Во время избирательной кампании Кеннеди психоаналитики предсказывали, что в радиодebатах он будет проигрывать Никсону в определенных штатах из-за слишком высокого голоса и “гарвардского акцента” – там низкий и грубоватый голос Никсона будет восприниматься как более искренний. Кеннеди советовали избегать радио и использовать телевидение, т.к. при зрительном восприятии проигрывал образ Никсона. После выборов анализ голосования в разных штатах подтвердил расчеты аналитиков.

Не менее важной для суггестивной лингвистики, чем фонетика, является тишина. Именно чередования звука разного тона, ритма, высоты и тишины оказывают наибольшее влияние на человека. Ницше не раз говорил о том, что великие события совершаются в тишине.

Все вышеперечисленные техники довольно эффективно используются сегодня в разных сферах нашей жизни – в рекламе, в политической сфере, в сфере масс медиа, в психотерапии, в судебной коммуникации. Особенно примечательным является использование суггестивных техник в судебной сфере, ведь в ней господствует сухой язык фактов, и для интерпретации и манипуляции просто нет места, а законность судебного решения ассоциируется у обывателей со справедливостью и правдой. Однако среди адвокатов очень популярна сентенция “решение суда не должно быть справедливым, оно должно быть законным”. И действительно, кто как не адвокаты и прокуроры, искусно владеющие словом, имеют возможность осуществлять суггесторное воздействие на судей или присяжных заседателей. Поскольку далеко не все судебные процессы становятся достоянием гласности, проблема использования суггестивных методов и стратегий в судебной коммуникации не была достаточно изучена и описана.

Писатели-криминалисты широко используют, анализируют и описывают случаи осуществления судебной суггестии. Например, чрезвычайно интересным является случай в американской судебной практике. В 1960-х годах в штате Джорджия произошло убийство – темнокожий рабочий убил белого молодого человека 23 лет. Убитый был одним из тех, кто насильствовал и избивал 10-летнюю дочь темнокожего мужчины просто потому, что она была темнокожей. По счастливой случайности девочка выжила и рассказала обо всем отцу, который взял ружье и застрелил одного из насильников, при этом он ранил полицейского, в результате чего последнему ампутировали ногу. Ситуация была предельно ясной – темнокожему рабочему угрожала смертная казнь, и ни один адвокат не решился защищать его. Кроме одного, белого адвоката, который добился оправдательного приговора в основном благодаря искусному владению словом. Мастерски используя технику тишины, также произнося слова вкрадчивым, тихим голосом, адвокат, ловко манипулируя восприятием присяжных заседателей, выиграл заведомо проигрышное дело – клиента оправдали, в штате Джорджия впервые оправдали темнокожего мужчину, сознавшегося в убийстве белого мужчины и заявившего, что, имея силу повернуть время вспять, сделал бы то же самое! Позднее эта история была использована в написании сценария художественного фильма.

Не вызывает сомнений тот факт, что суггестивные методы, стратегии и техники широко разрабатываются и используются сегодня во многих сферах повседневной жизни. Поскольку наиболее эффективной и дешевой, а следовательно и популярной является именно вербальная суггестия, лингвистам следует обратить особое внимание на разработку и изучение суггестивных стратегий, а также на разработку стратегий контрсуггестии, которые до сегодняшнего дня были в большинстве своем объектом исследования нейрофизиологов и психотерапевтов. Также очевидным является тот факт, что суггестивная лингвистика очень тесно связана с социолингвистикой, поскольку на формирование суггестивных стратегий большое влияние оказывают социальные факторы – пол и социальный статус суггесторов и суггерендов, образование и т.д.

Источники и литература

1. Буль П.И. Гипноз и внушение. – Л.: Медицина, 1975. – 88с.
2. Вандриес Ж. Язык // Воронин С.В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. – Л.: изд-во ЛГУ, 1990. – С.146–153
3. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. // <http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul1.htm>
4. Кастанеда К. Учение Дона Хуана. Отдельная реальность. Путешествие в Исктлан. – СПб: “София”, 1993. – 632 с.
5. Поршнев Б.Ф. Речеподражание (эхолалия) как ступень формирования второй сигнальной системы // Вопросы психологии. – 1964. – №5. – С.30–46.

6. Черепанова И. Дом колдуньи. М. – «КСП+», 2001. – 400с.

Калужина О.В.

КОНФЛИКТ ЛИЧНОСТИ И СОЦИУМА В РОМАНЕ ФИЛИППА РОТА «ЛЮДСКОЕ КЛЕЙМО»

Проблема конфликта личности и социума будет существовать до тех пор, пока существуют личность и социум как таковые. Человек – существо, которое способно ошибаться в выборе жизненных ориентаций и которое в силу этого никогда не может быть уверено, что оно правильно живет [1, с. 118]. Тот, кто преуспел в мире релятивных ценностей, считает его нормальным и естественным, но тот, кто потерпел жизненное фиаско, остро ощущает потребность вырваться из оков отчуждения и стать по-настоящему свободным. Его система ценностей трансформируется [1, с. 121].

Целью данного исследования является демонстрация специфики отражения в художественном творчестве культурной, политической и социальной жизни американского общества в последние годы двадцатого столетия (на примере постмодернистского романа Филиппа Рота «Людское клеймо»). Данная цель предполагает решение такой задачи, как анализ конфликта и парадокса романа.

Актуальность настоящего исследования обусловлена сложностью и многоплановостью заложенных в романе Филиппа Рота «Людское клеймо» проблем, а также недостаточностью исследований по проблематике конфликта личного и социального в данном произведении.

Новизна настоящего исследования заключается в том, что до настоящего момента не предпринималось попыток произвести анализ романа Филиппа Рота «Людское клеймо» с точки зрения отражения в нем противостояния личности и общества, противопоставления отдельным человеком своей жизни всем нормам и укладу социума.

Филипп Рот – американский писатель, лауреат Национальной книжной премии (1955), Пулицеровской премии (1998) и премии ПЕН/Фолкнер (2001). «Людское клеймо» (“The Human Stain”, 2000) стало завершающей частью трилогии, созданной во второй половине девяностых и включившей в себя книги «Американская пастораль» (“American Pastoral”, 1997) и «Я вышла замуж за коммуниста» (“I married a communist”, 1998). Филипп Рот описывает политические, социальные и индивидуальные особенности американского общества в лучших традициях легендарного Джона Апдайка, применяя новые техники постмодернизма, такие как фрагментарность, деканонизация, всеобщее смешение и насмешливость над всем [2].

«Людское клеймо» – книга, в которой очень ярко выражается конфликт личного и социального. Количество спорных вопросов, поднятых писателем, проблематика романа просто поражают. Другой, менее талантливый и опытный романист, вряд ли справился бы с подобной темой.

Конфликт личности и общества рассматривается в разных плоскостях – это расовая дискриминация, политкорректность, отношение общества к мезальянсам, проблемы ветеранов Вьетнамской войны. Автором используются различные литературные техники, такие как – парадокс, параллелизм.

Так же, как и во многих других своих произведениях Филипп Рот говорит о зле, «которое берет свое начало в человеческом стремлении к «чистоте»: когда человек посвящает свою жизнь тому, чтобы стать «чище» (под этим автор понимает стремление стать лучше, благороднее или честнее чем люди, которые находятся рядом), причем не важно каким путем – с помощью политкорректности, расизма, антисемитизма, религиозного фанатизма, веры в утопию. Этим самым человечество поневоле создает конфликты, которые тут же принимаются развязывать» [3].

На страницах романа отражен целый набор проблем, чрезвычайно актуальных в современном американском обществе, но не только в этом ценность романа: глубокий психологический анализ, которому автор подвергает своих героев, открывает читателю самые разные стороны человеческой природы, виды человеческих отношений, нюансы поведения, присущие далеко не только жителям данной конкретной страны и потому интересные каждому. Роман мастерски построен, возникающее едва ли не с самого начала напряжение неуклонно возрастает, одно за другим стираются «белые пятна» в биографиях персонажей, демонстрируются новые характерологические черты. Не смотря на многоплановость проблем, затронутых в романе, предметом данного исследования являются социальные проблемы, существующие в обществе и касающиеся персонажей романа.

Одним из основных конфликтов романа является проблема расовой дискриминации. Коулмен Силк – герой данного произведения на себе испытал последствия расовой дискриминации. Еще в молодости он любил девушку, которая, узнав о том, что он происходит из семьи афро-американцев (хотя его кожа была очень светлая), не пожелала продолжать с ним отношения. Тогда Коулмен решил держать свое происхождение в секрете от всех в угоду общественному мнению того времени, когда негров считали людьми второго сорта.

Много лет спустя Коулмена Силка обвиняют в расизме – он назвал двух чернокожих студенток «бесплотными духами»: «В группе числилось 14 человек. Перед несколькими первыми лекциями Коулмен проводил переключку, чтобы запомнить их имена и фамилии. Поскольку две студентки из списка за пять недель не откликнулись ни разу, на шестой Коулмен спросил: «Знает их кто-нибудь из вас? Существуют они во плоти – или они духи?»